

ТРИУМВИРАТ

ПРЕДАТЕЛЕЙ КОНГО

О. ОРЕСТОВ, Л. ВОЛОДИН

СЦЕНА ИЗ КОЛОНИАЛЬНОЙ ОПЕРЕТТЫ

Тук в дверь в поздний вечерний час был необычен. Служащий отеля, извинившись, сообщил, что уполномочен оповестить «месье журналистов» о том, что в 22 часа полковник Мобуту проводит чрезвычайную пресс-конференцию в отеле «Режина».

Пресс-конференция в столь поздний час? Полковник? Кто он такой? И почему в отеле? Все вызвало недоумение, и, видимо, поэтому да из-за необычного способа оповещения в назначенное время у «Режины» толпились все журналисты, находившиеся в Леопольдвиле.

Полковник заставил себя ждать. За это время выяснились и его личность, и кое-какие подробности этого вечера 14 сентября 1960 года. Мобуту был начальником генерального штаба конголезской армии. За час до назначения пресс-конференции он примчался в лагерь военной жандармерии и заявил, что власть по решению президента находится в его руках, и ему нужно сопровождение. Из лагеря он уехал со свитой военных жандармов.

В Леопольдвиле два военных лагеря. Один большой, где жили, как ландскнехты, солдаты армии — в казармах, с семьями, со всем домашним имуществом. В другом, изолированном, находились военные жандармы, которые при бельгийцах выполняли функции стражников и тюремщиков провинившихся солдат. Жандармов было что-то около трехсот, солдат — свыше трех тысяч. Жандармы следили за солдатами, солдаты не любили и боялись их.

В те дни в солдатском лагере шло брожение. Неизвестные личности собирали солдат кучками, что-то втолковывали им. Результатом было требование солдат выдать им жалование за два месяца. Правительство, задыхавшееся в тисках финансового кризиса, созданного бельгийскими колонизаторами, попросило их подождать, пока будут найдены средства. Этого словно только и ждали те, кто решил теперь опереться на армию в своих планах свержения законного правительства.

Среди солдат поползли слухи, что Касавубу вы-

В Государственном издательстве политической литературы выходит в свет книга О. Орестова и Л. Володина «Трудные дни Конго. Политический репортаж». Редакция журнала «Азия и Африка сегодня» публикует с некоторыми сокращениями главу из книги.

делил для них 30 миллионов франков. Солдатам было невдомек, что президент страны не располагает государственными средствами, которые находятся по конституции в ведении правительства. Не сознавали они и того, что если президент и выделяет деньги, значит он их нашел где-то на стороне, у щедрых зарубежных «дядей».

А деньги появились. В лагере начали раздавать жалование. Неизвестно точно, сколько дал денег Касавубу. Но совершенно точно то, что большая часть денег поступила от руководителей миссии ООН в Конго. Заместитель командующего «войсками ООН» передал под расписку начальнику генштаба конголезской армии Мобуту пять миллионов франков. (Любопытно заметить, что незадолго до этого бывший государственный секретарь США Гертер объявил, что США вносят в фонд «помощи Конго» пять миллионов долларов. Не из этих ли сумм производилась выплата жалования солдатам в Конго?)

Позднее документы, захваченные сторонниками Патриса Лумумбы в Стэнливиле, подтвердили, что из американских источников в Конго для поддержки путча Мобуту поступило 30 миллионов франков. Так Хаммаршельд вкупе с империалистами прокладывал в Конго путь к власти путчистам и изменникам.

Другую часть средств «изыскал» сам Мобуту, взяв деньги из резервных сумм армейских столовых, а также заем у бельгийских банков.

Выплата денег солдатам сопровождалась безудержным восхвалением «заслуг» полковника Мобуту и злыми выпадами против законного правительства. В военном лагере городка Тисвиле, в 150 километрах от Леопольдвиле, сообщник Мобуту подполковник Бобосо, позднее один из главных истязателей Патриса Лумумбы и его соратников, давал каждому солдату заранее заготовленную бумажку с «клятвой» бороться против правительства. Только подписав этот листок, солдат получал деньги. Такие же махинации проводились и в леопольдвильском лагере.

Когда раздача жалования была закончена, в лагерях началось веселье и разгул. Лишь военные жандармы — как видно, не получили еще денег — были злы и воинственны. К ним и направился полковник Мобуту со своими радужными обещаниями.

...Выхватывая фарами из темноты отдельные предметы, колонна военных джипов остановилась перед отелем «Режина». В первой машине, битком набитой жандармами, сидел невзрачный молодой офицер с темными очками на вздернутом носу, в щегольской форме полковника. На лбу офицера блеснул пот,

лихо заломленная фуражка сползла набок. Он эффектно оперился на эфес сабли, руки его дрожали. Это и был Мобуту.

Теперь мы вспомнили его. Не раз он беседовал с журналистами на различных приемах, торжествах. В разговорах любил рассказывать о своем причастии к журналистике и о том, что он редактировал какую-то военную газету. Не прочь был прихвастнуть образованием, полученным у бельгийцев. С журналистами из социалистических стран он беседовал сдержанно, с западными корреспондентами разливался соловьем.

Мобуту взобрался на ресторанный столик, дрожащими руками поправил портупею и срывающимся голосом стал выкрикивать плохо связанные одна с другой фразы:

— Если я пригласил вас сюда, то затем, чтобы поставить в известность, что я и армия решили нейтрализовать президента и премьер-министра до 31 декабря этого года. Это не государственный переворот, это первый в истории случай, когда армия устанавливает порядок, не беря власти. Или иначе, мы берем власть, но не пользуемся ею...

Запутавшись в своей софистике, подсказанной, очевидно, где-то за кулисами опытными режиссерами, Мобуту замолчал. Зато заревели набившиеся в зал неизвестно откуда бельгийцы, поднимая стаканы с виски: «Браво, полковник!» «Молодец!» «Наконец-то!»

Приободрившись, Мобуту тут же заявил, что намерен обратиться к США с просьбой об оказании Конго помощи, о присылке в страну технических и других американских специалистов. А затем обрушился с яростными нападками на Советский Союз и другие социалистические страны.

В конце своей речи под крики подвыпивших бельгийцев сбиваемый с заученного тона вопросами корреспондентов, Мобуту все же признал, что власть он берет, назначает себя «правителем Конго» и притом с согласия Касавубу и главнокомандующего армией генерала Лундулы.

Насчет Лундулы он соврал. Назавтра генерал отдал приказ о его аресте. А относительно Касавубу говорил чистую правду.

Да, Касавубу был полностью в курсе дел мятежного полковника, более того, он направлял все его действия. Недаром Касавубу накануне путча Мобуту в беседе с прибывшим в Конго небезызвестным американским деятелем Аверелом Гарриманом заявил, что ему необходимо, чтобы ООН еще пять-шесть дней осуществляла контроль над всей жизнью страны. Иными словами, чтобы ООН не дала возможности законному правительству Конго мобилизовать свои силы. А позднее, 25 ноября 1960 года, в Париже, атакованный журналистами, Касавубу вознегодовал:

— Я — нейтрализованный? Судите сами. Мне достаточно напомнить, что совет генеральных комиссаров был создан лишь с моего разрешения. Да и к тому же, если бы я был нейтрализован, то разве смог бы я выехать в Нью-Йорк?

Но до поры до времени Касавубу скрывал, что он является одним из организаторов путча 14 сентября. Он делал вид, что всерьез принимает свою «нейтрализацию», и молчал, сидя в резиденции, которую для пущей убедительности своего «неучастия» в путче попросил окружить усиленным отрядом «голубых касок». Маскировка была сброшена лишь тогда, когда Мобуту начал проявлять некоторые признаки «превышения полномочий». Тогда Касавубу в откры-

тую заявил: «Я с полковником заодно, прошу не забывать!»

Так складывался триумвират предателей: Чомбе — Касавубу — Мобуту.

УГРОЗА! ПЕРЕВОРОТ! ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА!

Многие в Леопольдвиле, к сожалению, в первый момент отнеслись к пресс-конференции Мобуту как к выходке скомороха, сценке из оперетты, не придав этому большого значения.

Патрис Лумумба опубликовал заявление, в котором писал: «Начальник генштаба вооруженных сил полковник Мобуту был подкуплен империалистами, чтобы совершить государственный переворот, направленный против законного и народного правительства. Эти маневры были пресечены действиями нашей национальной армии, солдаты которой немедленно после переданного по радио заявления Мобуту выступили в защиту премьер-министра, чтобы предотвратить возможность любой империалистической агрессии».

Разумеется, Мобуту был не более чем марионеткой. В ночь после путча он объявил о решении создать «совет генеральных комиссаров» из... «студентов, обучавшихся на Западе». «Они, — говорил Мобуту, — достаточно подготовлены и знают, куда вести страну. Я стою над властью. Мое дело — навести порядок».

Но путч был опасен потому, что его готовили изподволя, продуманно опытные мастера провокаций из НАТО и их приспешники в командовании ООН. Мятеж Мобуту представлял собой лишь звено в той цепи заговоров империалистов, которая ковалась со дня провозглашения независимости Конго и знаменитой речи Лумумбы в парламенте.

Семь лет Мобуту прослужил в бельгийских колониальных войсках «Форс публик», добившись скромного поста военного писаря-стенографиста. Такая карьера его не устроила. Он пробует журналистскую стезю. Ловкого молсодого человека, отличавшегося отменной услужливостью, приютила католическая церковь. Работа Мобуту в католических газетенках убедила патеров, что перед ними способный слуга. Его посылают в Брюссель. На Всемирной выставке, среди прочих «экзотических» персонажей «счастливого и процветающего» Конго, он представлял «свободную» печать колонии. В благодарность ему предоставляют годичный стаж в Брюсселе «для повышения квалификации». Но все это были третьестепенные роли.

После независимости Мобуту немедленно бросает свои журналистские опусы и возвращается в армию. Теперь он «ветеран», «борец». Неужели его забыли? Оказалось, нет. Нашлись в пропитанной старым колониальным духом армии люди, которые включают Мобуту в списки первых конголезских офицеров. Так в тридцать лет он становится полковником. Мобуту не теряет времени даром. Его видят рядом с президентом Касавубу на парадах, официальных церемониях. Он ловок, услужлив, великолепно выглядит в новеньком, сшитом у лучшего портного мундире. И вот он уже начальник штаба армии. В сочетании со старым солдатом Лундулой, командующим армией, он хотел бы казаться живым воплощением принципа: молодость и энергия подкрепляют мудрость и опыт.

На деле же всю свою энергию этот проходимец

направлял против прогрессивного правительства, в угоду своим прежним и нынешним хозяевам. Воспитанный ими, он не стеснялся в средствах, готовый на любую подлость ради того, чтобы выдвинуться, стать важной персоной, получить власть. И лицемерно называя Лумумбу до независимости своим «духовным наставником», Мобуту через несколько месяцев бросает его в тюрьму. Все это вполне закономерно для политического авантюриста, выкормыша колониальных монополий и католической реакции.

В успехе путча Мобуту сыграло роль и то обстоятельство, что многие депутаты конголезского парламента и кое-какие деятели других африканских стран выступили за «примирение» Лумумбы и Касавубу. Либеральные разговоры о «примирении» притупляли бдительность народа и правительства, позволяли предателям творить свои грязные дела.

ПОСЛЕ ПУТЧА

На следующий после путча день в военном лагере столицы поднялось волнение. Большая часть солдат не захотела подчиняться приказам Мобуту. Но офицеры и отдельные группы солдат, подкупленные Мобуту и его приближенными, начали шумную пропаганду, угрожая недовольным, напоминая о полученных деньгах. Среди солдат — это ведь была старая колониальная армия — было немало бывших уголовников, забитых, неграмотных парней, набранных в далеких глухих деревушках. И было много солдат — выходцев из племени баконго, «некоронованным королем» которого считался Касавубу. Когда этой части солдат стали нашептывать, что Касавубу не возражает против мятежа полковника, они быстро сдались.

Да и те, кто всегда поддерживал законное правительство, дрогнули, когда на военный лагерь навели пулеметы 37 бронемашин, приведенных ставленником Мобуту в Тисвиле подполковником Бобосо.

Многие солдаты в Тисвильском лагере давно морально разложились, превратив его в гнездо бандитизма и грабежей окрестных жителей. Теперь все они примчались в столицу на подмогу щедро платившему начальнику генштаба.

А как же войска ООН?

Те самые, что по решению Совета Безопасности специально прибыли в Конго для того, чтобы оказывать военную помощь правительству республики и действовать при консультации с ним?

Их командование, подчиненное Хаммаршельду, и пальцем не шевельнуло, чтобы обуздать путчистов. Лицемерная игра в «нейтральность» продолжалась. Был открыт для всех аэродром, снята охрана парламента. А на просьбу премьер-министра о помощи против мятежников штаб-квартира ООН прислала к его дому отряд ганских солдат. Они честно выполнили это поручение. Окружили резиденцию Патриса Лумумбы, выставили посты, хотя сами оказались в трудном положении: их в свою очередь окружили мятежники, начавшие осаду резиденции премьер-министра.

Ганаянцы со своей задачей справились. С другой, значительно более важной задачей — оградить молодую республику от иностранного вмешательства, помочь законному правительству в борьбе за целостность страны — не справились, вернее не захотели справиться руководители «операции ООН в Конго», и в первую очередь генеральный секретарь Даг Хаммаршельд, роль которого как усерд-

ного исполнителя воли колонизаторов, держащего в руках флаг ООН, становилась все более очевидной.

А хозяева Мобуту не шутили. Они приказали ему арестовать всех членов правительства, сторонников Лумумбы. Банды мобутовцев начали облавы и бесчинства в городе. Наемники избивали мирных граждан, совершали налеты на районы, где население поддерживало Лумумбу, жгли дома, убивали людей.

В то же время самолеты «Сабены» везли из Брюсселя бельгийских чиновников, офицеров, промышленников и плантаторов, которые возвращались в Конго, чтобы под покровительством Мобуту снова прибрать к рукам ускользнувшую было власть.

Стараясь лишить правительство всякой поддержки друзей за пределами Конго, Касавубу и Мобуту начали провокации против посольства СССР, представительства социалистических и ряда африканских стран.

Как известно, законное правительство Лумумбы поддерживало самые дружественные отношения с Советским Союзом и горячо желало, чтобы сотрудничество между СССР и Конго продолжалось и далее. Однако обстановка, созданная в стране прокаторами и бандитами, делала невозможной нормальную деятельность посольства СССР, здание которого было окружено цепью мобутовских головорезов с пулеметами.

19 сентября Советское правительство опубликовало заявление, в котором, в частности, говорилось:

«За последние дни в Республике Конго в результате происков колонизаторов и их агентуры, а также неприкрытого вмешательства командования войск ООН во внутренние дела Конго сложилась крайне напряженная обстановка. Устранены законное правительство и парламент республики. В политическую жизнь страны вновь и все более открыто вмешиваются американские и бельгийские эмиссары и представители иностранных монополий... В угоду эгоистическим интересам иностранных монополий, путем обмана и подкупа колонизаторам удалось на время поставить у власти в Конго марионеточный режим, послушный чужеземцам...»

Подчеркивая, что неприкосновенность посольства СССР и безопасность его персонала поставлены под угрозу, Советское правительство сообщало о решении временно отозвать состав своего посольства из Конго.

В заявлении указывалось, что отношение Советского Союза к молодой африканской Республике Конго было и остается неизменно дружественным, что он оказывал и впредь будет оказывать всемерную поддержку и помощь мужественному конголезскому народу в его борьбе за достижение полной независимости.

Персонал советского посольства покинул Леопольдвиль. Но путчистам этого было мало. Их ненависть вызывали и те африканские страны, которые всегда решительно поддерживали правительство Патриса Лумумбы и его смелую борьбу против колониализма.

Но эти страны, в первую очередь Гвинея, Гана, ОАР, имели в Конго контингенты своих войск, и напасть открыто на их представительства путчисты не решились. Они ждали лучших времен, когда укрепят свои силы, убедят главные империалистические государства в своей способности навести «настоящие порядки», сколотят банды хорошо оплачиваемых наемников. Путчисты верили, что такие дни наступят. Порукой было и прямое пособничество руководителя «операции ООН в Конго», и явная поддержка со стороны всего международного империализма.